

С. В. МИРОНЕНКО

Александр I.

«Сфинкс, не разгаданный до гроба...»

<Фрагменты>

<...> Мир, на несколько лет воцарившийся в Европе, позволил Александру вернуться к реформам в его собственном доме. Теперь его ближайшим сотрудником на этом поприще стал М. М. Сперанский, один из самых выдающихся государственных деятелей России за всю ее многовековую историю. Выходец из среды духовенства, Сперанский сделал головокружительную карьеру и к исходу 1807 года стал одним из ближайших советников Александра. <...> Сперанский создал известное «Введение к уложению государственных законов», которое по справедливости можно считать произведением двух авторов — самого Сперанского и его августейшего покровителя. Осуществление заложенных в нем радикальных преобразований означало бы, что Россия сделала решительный шаг на пути превращения в конституционную монархию. В «Введении» был реализован принцип разделения властей. Законодательную власть предполагалось сконцентрировать в новом органе — Государственной Думе, исполнительную передать министерствам, а судебную отдать в руки Сената. Государственная Дума должна была стать выборным органом, ограничивающим власть монарха: ни один закон не мог быть издан без предварительного одобрения Думой. Минуя Думу, император мог только принимать решения о войне и мире. Собираться Дума должна была ежегодно в сентябре, и срок ее работы зависел от количества внесенных в нее дел. Император мог лишь отсрочить созыв Думы на год или уволить всех ее членов, назначив новые выборы. Сенат также предполагалось сделать выборным органом, сохранив его как высшую судебную инстанцию. Решения Сената признавались окончательными. Исполнительная власть передавалась полностью министерствам, которые становились ответственными перед Думой. Вершиной новой государственной системы должен был стать Государственный Совет.

Он служил бы, с одной стороны, связующим звеном между императором и ветвями власти, а с другой — был бы палатой лордов, где шло первоначальное обсуждение важнейших государственных дел. Предполагалось, что члены Государственного Совета назначались императором. Определялись в проекте и пределы самодержавной власти. В руках императора сохранялась вся полнота управления страной, он же обладал исключительным правом законодательной инициативы. Без его одобрения не мог быть издан ни один закон. Таков был общий план преобразований.

Однако единовременная и полная его реализация отвергались. Вновь речь шла о постепенном введении предлагаемых новшеств. Разработка и утверждение положений о новом государственном устройстве должны были быть осуществлены в течение 1809–1811 годов. Дело подготовки реформ Сперанский предлагал передать в руки нового органа — Государственного Совета.

Указ Александра I о создании Государственного Совета был подписан 1 января 1810 года. Однако, хотя он и приложенный к нему документ, регламентирующий деятельность Совета, были составлены самим Сперанским, в нем ничего не говорилось о той грандиозной задаче, которую он как бы был призван разрешить. Тайные пружины того, отчего это произошло, не выяснены до сих пор. Но предельно ясно одно. Александр вновь проявил осторожность и отступил перед сопротивлением влиятельного большинства противников реформ. Настроение приверженцев старины и охватившие их опасения как нельзя лучше выражают слова Д. П. Рунича¹, одного из самых мрачных деятелей александровского царствования: «Самый недалёковидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут вверх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем именно состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имевшие крепостных, теряли голову при мысли, что Конституция уничтожит крепостное право, и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям. Недовольство высшего сословия было всеобщее». Задуманные коренные преобразования свелись к административным реформам — переустройству министерств, определению места Государственного Совета в системе органов управления страной, размежеванию его функций с Сенатом. Однако они не могли кардинально изменить ситуацию. Н. М. Карамзин, один из самых внимательных и образованных современников Александра, придерживавшийся консервативных взглядов и бывший политическим противником Сперанского, но человек глубоко честный и независимый, в записке «О древней и новой России», поданной Александру в 1811 году, так описывал печальное состояние, в котором, по его мнению,

пребывала Россия: «Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взятокодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились. В два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни!»

Тем временем все ближе надвигалась «угроза двенадцатого года». Отношения с Францией стремительно ухудшались, и война стала неизбежной. События ее хорошо известны и не раз были предметом обстоятельного исторического анализа. Отметим только два обстоятельства, которые, как кажется, добавляют существенные штрихи к портрету Александра I. Важную роль в победе над Наполеоном сыграло решение Александра не вмешиваться в ход военных действий и, более того, не появляться на театре военных действий. Решение, которое вряд ли далось ему легко и которое свидетельствует о здоровой оценке им своих полководческих способностей. История знает и иные примеры. Искушение встать во главе армии в годину тяжелых испытаний не сумел преодолеть, скажем, Николай II. Хорошо известно, к чему привело его роковое решение принять на себя верховное командование. Поражения русской армии стали напрямую связывать с его именем, авторитет его катастрофически упал, а когда в столице вспыхнули волнения, царь оказался не в состоянии вернуться из Могилева, где располагалась Ставка, в столицу, и дело закончилось отречением и свержением монархии. Конечно, всякие параллели весьма условны. Но то, что Александр устранился от командования русской армией и доверил руководство борьбой с Наполеоном М. И. Кутузову, бесспорно стало одним из решающих факторов победы. И еще об одном. Хорошо известно, что несмотря ни на какие неудачи в первые месяцы войны, Александр непоколебимо верил в окончательную победу. Однако редко обращают внимание на то, как элегантно и изысканно он свою убежденность демонстрировал. Приведем только один пример. Известие об оставлении Москвы Александру доставил полковник Мишо. Александр заметил, с какой «грустью» Мишо выполнил поручение Кутузова и в специальном рескрипте на имя главнокомандующего просил обязательно прислать к нему «сего достойного офицера» с «первым радостным известием», которое непременно будет после его возвращения в действующую армию.

Война закончена. Наполеон низложен и отправлен в ссылку. Александр на белом коне, сопровождаемый своей победоносной армией, торжественно въезжает в поверженный Париж. Он — освободитель Европы от ига тирана. Ему восторженно рукоплещут парижане, а вместе с ними народы всех европейских стран. От его решений зависит послевоенное устройство мира. По его воле раздаются Конституции и возвращаются престолы. «Было много споров относительно того, какое дать ему прозвание, — записала в своем дневнике дочь баронессы В. Ю. Крюденер. — Предлагали назвать его великим, великодушным, европейским. Наконец, согласились на имени благословенный». Казалось, теперь уже не может быть никаких препятствий к осуществлению давно задуманных реформ на родине.

В 1815 году Александр публично заявил, что в ближайшее время «устройство внутреннего государственного управления» будет его «главнейшим занятием». Начало было положено дарованием в том же году Конституции Польше, которая, согласно акту Венского конгресса вошла в состав России под названием Королевства Польского. Александр сам принимал в ее разработке деятельное участие, рассматривая ее как первый шаг к Конституции российской. Следующие два года прошли в подготовительных работах к созыву первого польского Сейма, работа которого началась 15 марта 1818 года. При открытии сейма Александр произнес свою знаменитую речь, которая потрясла воображение современников. С изумлением, которое трудно описать, подданные российского императора узнали (речь была опубликована в газетах), что правила «законно-свободных (так было переведено на русский язык слово “либеральных”, т. е. конституционных) учреждений» были предметом его «непрестанных помышлений», что он считает их не более, не менее как «спасительными» и, более того, надеется со временем распространить их «спасительное действие» на все подвластные его скипетру народы. Александр подтвердил, что «с давних пор приуговлял» России Конституцию и теперь полякам предстоит доказать всему миру, что именно она обеспечивает «истинное благосостояние народов». Казалось, дело коренных преобразований основ русской жизни сдвинулось, наконец, с мертвой точки. Уверенность в этом могла бы быть еще сильнее, если бы Александр решился придать огласке свои дальнейшие шаги. Но он, как и прежде, предпочитал держать все в тайне.

А скрывать было что. Летом 1818 года в Варшаве под руководством давнего сподвижника Александра Н. Н. Новосильцова началась работа над «Уставной грамотой» — проектом Конституции для всей Российской империи. Много лет спустя П. А. Вяземский вспоминал, как шла работа над проектом российской Конституции: «В канцелярии

был у нас юрист и публицист француз Deschamps. Ему Новосильцов передавал соображения и мысли свои: француз, набивший руку себе во Франции в изготовлении и редакции подобных проектов, писал их, так сказать, прямо набело. Переливка этих работ в русские формы наложена была на меня». В октябре следующего года во время пребывания Александра I в Варшаве основы будущей Конституции были утверждены. Александр остался не вполне доволен представленным документом, внес в него исправления и дал два месяца на завершение работы. Летом 1820 года Вяземский привез готовый проект Конституции в Петербург. Во время встречи с Александром, которая длилась около получаса, император, по словам Вяземского, одобрил их работу, сказав, что «привезет с собою доставленные бумаги в Варшаву и сообщит критические свои замечания Новосильцову». Александр также сказал, что «надеется привести непременно это дело к желаемому окончанию» и что «на эту пору один недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысль, для него священную; что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях». Вероятно, осенью 1820 года, когда Александр I вновь оказался в Варшаве, Конституция была доработана и приобрела свой окончательный вид. Она была составлена на двух языках — русском и французском, и озаглавлена “*La charte constitutionnelle de l’Empire de Russie*”. В русском переводе заглавие звучало так: «Государственная уставная грамота Российской империи». Слова «конституция», «конституционный» в то время еще не вошли в русский язык, и для них нужно было отыскивать эквиваленты. Конституция предусматривала создание в России двухпалатного парламента. «Да будет российский народ, — гласила 91-я статья, — отныне навсегда иметь народное представительство». Все основные законы империи должны были одобряться парламентом, им же рассматривался и одобрялся бюджет страны. В «Уставной грамоте» провозглашались гражданские свободы — свобода слова, свобода вероисповедания (правда, оговаривалось, что православная религия остается господствующей, а политическое и гражданское равноправие предусматривалось только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати. Конституция носила ярко выраженный патримониальный характер. Например, в отличие от современных ей западноевропейских конституций, где источником государственной власти единодушно признавался народ, в «Уставной грамоте» принцип суверенитета народа заменен принципом суверенитета императора. В статье 12-й прямо говорилось, что «государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных».

Безусловно, это была самая консервативная Конституция тогдашнего мира, но все-таки Конституция. Был заготовлен манифест о введении ее в действие. Оставалось только подписать документ и поставить дату. Но этого так никогда и не произошло. Прежде чем попытаться объяснить, что помешало Александру I это сделать, коротко остановимся на том, как в это же время император пытался инициировать работу над реформой крепостных отношений. Примечательно, что его слова, сказанные в 1818 году в Варшаве, были восприняты большинством помещиков не столько как опасность Конституции, а скорее, как знак грядущего освобождения крепостных крестьян сверху, которое могло повлечь за собой крестьянские волнения. М. М. Сперанский в одном из своих писем в мае 1818 года подметил, что помещики «ничего более в сей речи не видят, как свободу крестьян», и это вызывает у них «припадки страха и уныния». Из донесений тайной полиции видно, что и среди крестьян разнесся слух о близящемся освобождении, и в августе 1818 года они ждали специального указа на этот счет. Ожидание не было беспочвенным. Еще до отъезда в Варшаву Александр поручил сразу нескольким видным государственным деятелям представить ему предложения, которым могло бы следовать правительство, если бы оно решило положить конец крепостному праву. Одним из них был никто иной, как граф А. А. Аракчеев. В феврале 1818 года его проект уже был на столе императора. В основе лежала идея постепенного выкупа государством крестьян вместе с землей у помещиков. Продажа крестьян должна была быть делом сугубо добровольным, никаких насильственных мер проект не предусматривал. Трудно сказать, насколько реален был план Аракчеева. Но нельзя не заметить, что предложенный им принцип — освобождение с землей за выкуп при непосредственном участии государства — был использован полвека спустя при проведении крестьянской реформы 1861 года. Для более детального обсуждения крестьянского вопроса Александр учредил в 1818 году специальный Секретный комитет, которому было поручено составление проекта освобождения крестьян. Во главе его стоял министр финансов Д. А. Гурьев. Но ни из одной затеи освободить крепостных крестьян так ничего и не вышло, если не считать личного освобождения крестьян в трех западных губерниях. Но Эстляндия, Лифляндия и Курляндия — это особая статья. Там никогда не было такого крепостного права, как в России, и уровень развития отношений между помещиками и крестьянами был совершенно иным. Именно прибалтийские помещики выступили инициаторами личного освобождения крестьян, оставив за собой все рычаги экономического влияния.

Очередная попытка изменить Россию окончилась неудачей. Благие намерения Александра, его обещания обществу ничем не увенчались.

Последние годы его царствования были отмечены возникновением и активной деятельностью тайных обществ, сама его смерть навсегда связана в истории России с восстанием 14 декабря. В чем дело? Традиционное объяснение звучит предельно просто — симпатичный, но слабовольный император оказался не в состоянии справиться с сопротивлением. Именно недостаток воли и характера Александра I преопределил то, что Россия надолго осталась без столь необходимых ей реформ. Зачастую к этому добавляется рассуждение о двуличности, свойственной якобы Александру. Он легко расточал либеральные фразы, но всерьез не думал об их реализации. Одним словом, будь на месте Александра Петр Великий, ничто не смогло бы удержать победный шаг реформ. Убедительное, на первый взгляд, объяснение, но на деле совершенно ложное. Александра трудно упрекнуть в отсутствии воли. Он в течение своей жизни не раз доказывал, что способен идти против течения и добиваться своего. Будь это Тильзит, когда против мира с Францией, по сути, была вся Россия, или дипломатический поединок с Наполеоном после Тильзита, когда столкнулись две воли, два характера и когда, как известно, Александр ни в чем не уступил французскому императору. Дело было в другом: в объективной невозможности достигнуть желаемого результата. Каждый раз, когда проекты реформ встречали отпор, Александр отступал, понимая, что не имеет поддержки и что он бессилён что-либо сделать. Казалось, российский император, имея в руках огромную власть, мог сломить любое сопротивление. Но в деле реформ это могущество было кажущимся: оно действовало только внутри существующей системы, а речь шла о сломе этой системы, и привычные рычаги здесь не действовали. В Западной Европе, которая была примером для России, двигателем реформ выступало третье сословие. В александровской России оно было слишком слабо, чтобы реально бороться за реформирование страны. Как показал дальнейший ход истории, роль третьего сословия в России во второй половине XIX века попыталась сыграть либеральная бюрократия. Но в начале века она еще не существовала как самостоятельная величина. Узкий круг реформаторов, пусть даже возглавляемый императором, не имел ни сил, ни возможностей для коренного переустройства страны. Для Александра крушение его реформаторских замыслов обернулось духовным кризисом, уходом в мистицизм, мыслями об отречении. Исчерпав запас жизненных сил, он умер в далеком Таганроге 19 ноября 1825 года.

